

УДК 167; 301.1

DOI: 10.17223/1998863X/49/9

А.Ю. Моисеева, С.Е. Овчинников

ОБЪЯСНЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОЦИОЛОГИИ: ПРОТИВ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ П. УИНЧА¹

Статья посвящена оценке значения идей П. Уинча и его последователей для методологии социологических исследований. Показано, что трудности, с которыми сталкивается социология, не только не зависят от конкретного метода, но также родственны тем трудностям, с которыми сталкивается естественная наука. В конце статьи предлагается минималистская программа защиты научного статуса социологии.

Ключевые слова: П. Уинч, методология социальной науки, теория социального действия.

«Возможна ли социология как наука?» – так, отдавая дань Канту, можно было бы сформулировать главный вопрос, которым задается Питер Уинч в книге «Идея социальной науки и ее отношение к философии» [1]. Вопрос выглядел бы совершенно праздным и неуместным, поскольку социология уже в момент своего рождения была наречена «социальной физикой» [2] и конструировалась как наука, если бы не тип аргументации, которую использует П. Уинч для отрицательного ответа на него. Опираясь на философию позднего Витгенштейна, он разделяет методы познания на эмпирические, характерные для естественных наук, и концептуальные, характерные для философии [1. Р. 9]. Эмпирические методы в рамках социологического исследования бьют мимо цели, поэтому необходимо использовать концептуальные, что делает социологию скорее философией, чем наукой. Таким образом, его аргумент состоит из двух частей. Первая – философская, в рамках которой доказывается содержательность априорного концептуального анализа и, более того, сводимость философии к вопросу о социальном действии. Вторая – социологическая, в рамках которой доказывается, что эмпирическая социология не способна схватить социологическую действительность.

Цель настоящей статьи – показать, что значение идей П. Уинча для методологии социологических исследований не так велико, как можно было бы предположить, поскольку необходимость концептуального анализа в социологии очевидна, но также очевидно и то, что он не является исчерпывающим. Поэтому мы концентрируемся на второй части его аргумента. Порядок изложения следующий. Сначала воспроизводится аргументация Уинча и то, как эта аргументация понимается наиболее радикальными из его последователей. Затем представлены аргументы в пользу того, что интерпретирующая социология, сторонником которой был Уинч, на самом деле не решает проблемы, поставленной им. В третьей части статьи мы демонстрируем, что, вообще

¹ Работа подготовлена при поддержке Российского научного фонда, грант «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории», № 18-78-10082.

говоря, трудности, с которыми сталкивается социология, схожи с трудностями, возникающими в методологии естественных наук, и с учетом всех этих трудностей познание социальной действительности научными методами можно считать возможным при достаточно аккуратном и реалистичном подходе к вопросу.

Аргументация П. Уинча и радикальные выводы из нее

В своей критике социологии как науки П. Уинч отталкивается от понимания «научности» социологии, которое предлагает Дж.Ст. Милль, поскольку последний «простодушно защищает позицию, которая лежит в основании утверждений большей части современных социологов» [1. Р. 66]. Позиция Милля состоит в том, что исследователь в рамках эмпирического метода устанавливает единообразие явлений, затем делает некоторое обобщение, выводит из него следствия и проверяет их. Возможность применения этого индуктивного подхода к социологии зависит от предположения о том, что «между духовными состояниями существуют единообразия последовательностей и что единообразия эти можно устанавливать при помощи наблюдения и опыта» [3. С. 774], но Уинч отрицает возможность однозначного установления подобного единообразия в предмете социологического исследования. В основании его аргументации лежит мысль Л. Витгенштейна о том, что критерий тождественности, необходимый для фиксирования чего-либо как единообразного, является результатом применения некоторого правила. Применяя разные правила, можно получать различные ответы на вопрос о тождественности ситуаций, следовательно, ученый, исследующий феномены, для того чтобы определить их как тождественные, должен, помимо прочего, владеть единственным правилом, которое отсылает его к соответствующим характеристикам. Отсюда делается вывод, что установление единственного правила и его применение возможны только в контексте отношения между ученым и его сообществом. Следовательно, в познании необходимо присутствуют два элемента – изучение феноменов и научное сообщество, «но здесь мы встречаемся с трудностью; в случае естественной науки ученый имеет дело только с одним набором правил, а именно с тем, который управляет научным исследованием, но в случае социолога и то, что он изучает, и само исследование представляют собой человеческую деятельность и, следовательно, осуществляются в соответствии с правилами. И именно эти правила, а не те, которые управляют исследованием социолога, определяют то, что считается „совершением того же самого“ в отношении данного вида деятельности» [1. Р. 87]. Таким образом, заключает П. Уинч, в рамках социологии исследуются не эмпирические регулярности, а правила, которые разделяет то или иное сообщество, поэтому социологическое исследование должно представлять собой концептуальный анализ.

Все это можно было бы воспринимать как призыв социологов к тому, чтобы сделать свою науку более «понимающей», более «качественной» и «гуманистической», к тому, чтобы больше внимания уделять в процессе исследования ценностям и целям людей. Это поместило бы П. Уинча где-то рядом с В. Виндельбандом, равно как и со всеми сторонниками различия «наук о природе» и «наук о духе». Такое воскрешение старого и вроде бы уже решенного спора, конечно, было бы не особенно интересным и едва ли

обеспечило бы «Идее социальной науки» такую известность, какой пользуется эта книга. Однако, судя по всему, Уинч имел в виду нечто существенно более сильное, а именно что социология вообще не способна к какому бы то ни было производству знания как чего-то такого, что никто ранее не знал. По крайней мере такую точку зрения защищают его современные последователи, авторы книги с характерным названием «Нет такой вещи как социальная наука: в защиту Питера Уинча» [4] Ф. Хатчинсон, Р. Рид и В. Шеррок. Более того, они утверждают, что этот вывод является неизбежным, если серьезно относиться к аргументу Уинча.

Ход рассуждений Ф. Хатчинсона, Р. Рида и В. Шеррока вкратце следующий. То, что сами социальные акторы обладают собственным пониманием своих действий, ставит социолога в неудобную позицию конкуренции с исследуемым им объектом. Чтобы выйти из этой конкуренции победителем, социолог приписывает себе роль привилегированного наблюдателя и интерпретатора. Он утверждает, что обладает особым методом познания социологической реальности, более «объективным» и поэтому более надежным, чем те методы, которыми пользуются непрофессионалы. Он намекает на множество факторов (таких как идеология, личная заинтересованность и эмоциональная вовлеченность), способных исказить, сделать ошибочным их понимание собственных действий, и обещает помочь исправить эти ошибки. Подчеркивая свою значимость в качестве такого привилегированного интерпретатора для интерпретируемого им общественного порядка, он претендует на высокий статус внутри этого порядка или по отношению к нему и получает искомый статус. Между тем, говорят авторы книги, та «реальность», которую описывает действующий подобным образом социолог, является его собственным творением. Ведь задача социолога как ученого должна бы состоять в том, чтобы описать, что движет социальными акторами, когда они действуют тем или иным способом, а что может ими двигать, кроме их собственного понимания ситуации? Да и сам способ, которым действуют социальные акторы, если он идентифицируется социологом не так, как первично идентифицируют его сами эти акторы, идентифицируется им неверно, необоснованно. «Соответствующий критерий идентификации „деятельности, которую необходимо объяснить“ не принадлежит социологическим или каким-либо иным теоретическим схемам и не выводится из них, а [берется] из социальных условий (settings) в которых происходит деятельность» (цит. по: [5. С. 139–140]). Таким образом, социология либо фиктивна, либо излишня.

Подобные рассуждения неоднократно повторяются не только в этой книге, но и в других работах ее авторов. Так, в статье Ф. Хатчинсона «Два мира действия: социальная наука, социальная теория и системы социологической рефракции» [6] ставится под сомнение применимость в социологии различения реальности и явления, которое, по мнению этого автора, является основой научного метода. Ф. Хатчинсон полагает, что целью социальной науки является освобождение социального действия от «социологической рефракции», т.е. от систематического искажения интерпретации действия актором, что позволяет говорить о «реальном» действии [6. С. 84] и производить его обобщающие объяснения [Там же. С. 99]. Но способы, при помощи которых социологи раскрывают «реальное» действие, оказываются неудовлетворительными, поскольку используемые для этого инструментальные теории

лишь по видимости похожи на теории, используемые в естественных науках в аналогичных ситуациях. Ключевым отличием социологических «инструментов» от естественнонаучных является принципиальная непроверяемость результатов их работы опытом. Наблюдения, произведенные при помощи телескопа, можно проверить на практике («Мы можем наблюдать активность субатомных частиц (электронов) и затем использовать ее при конструировании микропроцессоров» [6. С. 94]), в то время как никакая проверка не поможет установить, было определенное действие альтруистическим или нет. Вместо того чтобы опираться на опыт, социолог подводит под свое объяснение данного действия некую более общую теорию, которую он опять-таки не может проверить, но может объяснить исходя из нее другие действия, что создает иллюзию большой согласованности с фактами. Но ни на каком уровне этого объяснения факты так и не появляются, поэтому в случае, когда имеются две конкурирующие теории, у нас нет эмпирических критериев для выбора между ними. Таким образом, заключает Хатчинсон, различие «явленного» и «реального» по отношению к социальному действию не имеет смысла, а следовательно, построение «социальной теории» по образцу естественной науки невозможно¹.

Проблема интерпретации в методологических исследованиях социологов

Бесспорно, книга П. Уинча оказала значительное влияние как на социологов, так и на социальных философов, однако справедливости ради следует сказать, что она не была ни единственной, ни самой удачной попыткой развития подобных идей в соответствующий период. Сам термин «понимающая социология» был введен, как известно, М. Вебером, в трудах которого проблема интерпретации в социологии уже проявляется достаточно ясно. Специально методологические трудности социальных наук, связанные с процессом интерпретации, рассматривал Г. Шервхейм, работавший десятилетием раньше Уинча (репринт см. в [7]). Практически одновременно в попытке преодолеть именно эти трудности создавал свою этнометодологию Г. Гарфинкель. Почти без преувеличения можно сказать, что проблема, поднятая Уинчем, осознавалась в той или иной мере на всем протяжении развития социологии до него. В данном разделе мы покажем, что корни этой проблемы лежат существенно глубже, чем полагал Уинч, и что решение, которое он предлагает (ограничение социологического метода концептуальным анализом), в действительности есть лишь иллюзия решения.

Еще Г. Шервхейм отмечал, что социальным наукам неизбежно присуща некая раздвоенность, «которая является результатом фундаментальной двусмысленности человеческой ситуации; поскольку другой одновременно является и объектом для меня и таким же субъектом, как я. Этот дуализм обнаруживается в одном из важнейших средств отношений с другим – устным слове.

¹ На это можно возразить, что логическая ненаблюдаемость, приписываемая Хатчинсоном социальному действию, и фактическая ненаблюдаемость в естественных науках неотличимы в практике научного исследования. Так, между принятием результатов наблюдений при помощи телескопа «научным сообществом» и практической проверкой этих результатов прошло 359 лет. Поэтому на практике наблюдаемость следствий не может выступать в качестве необходимого признака научной теории.

Мы можем рассматривать слова как всего лишь издаваемые другим звуки; или, если мы понимаем их смысл, мы можем рассматривать их еще и как факты, регистрируя тот факт, что другой говорит то, что он говорит; или мы можем рассматривать то, что он говорит, как претензию на знание, в таком случае то, что он говорит, интересует нас не только как факт его биографии, но и как нечто, что может быть достоверным или ложным. В первых двух случаях другой выступает объектом для меня, пусть и различным образом, в то время как в последнем случае он является равноправным субъектом, который интересует меня как занимающий такое же положение, как и я, в котором мы оба проявляем интерес к нашему общему миру» (цит. по: [8. С. 10]). К этому можно добавить, что дуализм «объективирующей» и «субъективирующей» (которую мы будем в дальнейшем называть перформативной, потому что она образована посредством моего включения в совместное с этим другим поле общественной практики) установок дополняется дуализмом, существующим внутри «объективирующей» установки, поскольку для того, чтобы понять смысл речи другого, нужно уже предположить в нем уровень сознательности, достаточный по крайней мере для того, чтобы использовать языковые нормы для выражения некоторого смысла¹. Это предположение создает напряженность между единой для актора и интерпретатора внешней составляющей речевого (и иного) действия и различными смыслами, которые тот и другой могут этому действию придавать.

У Г. Гарфинкеля и его последователей понятие интерпретации тесно связано с понятием интеракции. Интерпретация образуется, обнаруживается и преобразуется непрерывно в процессе обмена коммуникативными «ходами» между участниками социального взаимодействия. Не существует единственного заранее фиксированного смысла отдельного действия, и каждый следующий «ход» может изменить смысл всей предыдущей цепочки. При этом учитываются не только «ходы» того актора, действие которого интерпретируется, но и ответы его партнеров, поскольку на них возлагается функция осуществлять контроль соблюдения социальных норм и корректировать допущенные актором ошибки прямо по ходу коммуникации так, чтобы все взаимодействие в целом получалось осмысленным в наибольшей возможной степени. А поскольку нормы понимаются участниками опять-таки исходя из предыдущего опыта интеракций, оказывается, что каждый из участников интерпретирует и корректирует происходящее несколько по-своему, и успех взаимодействия означает не глобальную согласованность этих интерпретаций, а лишь локальный консенсус, имеющий значение только для конкретного этапа взаимодействия и только для конкретного контекста. Такое понимание процесса интерпретации означает, с одной стороны, неустранимую зависимость смысла социального действия от его контекста, с другой стороны, то, что сам контекст интерпретируется в зависимости от того, какой смысл придается «присоединяющемуся к нему» действию. В ситуации этой двойной зависимости социолог оказывается не более, но и не менее компетентным наблюдателем, чем сами участники интеракции, поскольку он так же, как и они, обладает некоторым контекстом, исходя из которого формиру-

¹ То же касается и лингвистических форм его поведения до тех пор, пока мы предполагаем, что это поведение является осмысленным, т.е. собственно социальным.

ет предположения относительно смысла действия, и так же, как они, заинтересован в том, чтобы максимизировать осмысленность целого.

В процессе развития методологической критики находится все больше свидетельств смещения перформативной и дескриптивной установок в ходе социологического исследования так, что не только «объективирующая», но и интерпретирующая социология сталкивается с проблемой легитимации собственного метода. В самом деле, коль скоро никакое понимание социального действия невозможно без соотнесения его с собственным контекстом исследователя, любые претензии социологии на истинность должны опираться на предположение о существовании некоего общезначимого базиса, в рамках которого можно вообще говорить о понимании, действии и контексте, иначе говоря, универсальной прагматики. «Это становится ясно, исходя из имманентной разумности, которую интерпретатор должен допускать у всех выражений, какими бы непрозрачными они ни были поначалу, в той мере, в какой он вообще приписывает ее субъекту, во вменяемости которого он не видит причины сомневаться» [8. С. 24]. Однако чтобы предположение о существовании универсального базиса рациональности было не голословной декларацией, а настоящей гипотезой, социолог должен уже обладать по крайней мере каким-то корпусом данных о социальных действиях и их смыслах, которые можно было бы считать достоверными. А такого корпуса данных по понятным причинам у него никогда не будет. Социология начинает с интерпретации и заканчивает ею, какой бы «понимающей» она ни была.

Так что же, социологу и в самом деле «нечего сказать»? Возможно, что так, а возможно, что и нет. Во всяком случае, скептицизм не является неизбежным, поскольку неочевидно, почему бремя доказательства должно лежать на тех, кто ему противостоит, а не на самих скептиках. Предположение об отсутствии универсального базиса рациональности столь же нуждается в обосновании, как и о его наличии. Каждый из применявшихся до сих пор методов в отдельности может критиковаться сколь угодно обоснованно, но это не означает, что адекватный метод невозможен в принципе. Поэтому для того, чтобы продолжать быть оптимистом относительно познавательных возможностей своей науки в целом, социологу не обязательно владеть искомым адекватным методом вместе с обоснованием его адекватности, ему достаточно лишь показать, что предположение о существовании такого метода не ведет к противоречию при принятых предпосылках. В следующем разделе мы попробуем, следуя такой минималистской программе, защитить претензии социологии на то, чтобы называться наукой, не отбрасывая при этом аргументов Уинча в той их части, которая является действительно релевантной.

Обоснование возможности научной социологии

Чтобы предположение о существовании адекватного научного метода исследования социальной реальности не приводило к противоречию, нужно показать, что можно принимать интерпретационную концепцию социального действия, но при этом рассматривать это действие в качестве полноправного кандидата на номологическое объяснение. Широко известно, что основатель концепции науки как предприятия по поиску номологических объяснений К. Гемпель понимал под законом не что иное как причинную взаимосвязь. Поэтому неудивительно, что спор о том, может ли социология быть наукой,

как правило, сводится к спору о том, может ли социолог претендовать на открытие объективных причин социальных явлений. Между тем, как показывает современный историк и философ науки М. Бунге, причинность является отнюдь не единственной формой детерминизма, с которой работает наука, и даже в естественных науках далеко не везде причинное объяснение возможно и нужно. Например, в различных областях науки широко применяются объяснения посредством подведения некоторого неизвестного явления под категорию уже известных явлений, протекающих некоторым определенным образом. Часто такие закономерности, выведенные посредством обобщения без причинного объяснения, называются феноменологическими законами. По поводу них М. Бунге пишет: «В одном смысле описание предшествует объяснению; в другом смысле оно является родом объяснения, хотя, возможно, и поверхностным объяснением. Рано или поздно истинные объяснения позволяют нам проводить более полные и более точные описания; они также могут навести на мысль о существовании фактов, которые были опущены при описательном объяснении. Чистое описание, „не стесненное теорией“, „беспристрастное в отличие от истолкования“, полностью свободное от гипотез, является мифом, изобретенным традиционным позитивизмом, интуиционизмом и феноменологией... Ни одно научное утверждение не имеет смысла вне теоретической системы. Короче говоря, наука является и описательной, и объясняющей; а описание можно отличить, но не отделить от объяснения» [9. С. 339–340].

Таким образом, нам не нужно защищать тезис о способности социологии к производству истинных причинных объяснений, нам достаточно лишь обосновать возможность для нее производить истинные описания. Но это уточнение не слишком облегчает задачу, поскольку именно здесь находится главная мишень аргументации П. Уинча: он критикует в первую очередь не закономерности, которые социолог приписывает наблюдаемым процессам, а ту категориальную схему, которая применяется для их описания и первичного выявления регулярностей. Поэтому попробуем разобраться, какие именно черты, присущие объектам естественных наук, делают их пригодными для описательного объяснения и можно ли рассматривать социальные явления как обладающие, по крайней мере в некоторой степени, теми же чертами.

Суть любого описательного объяснения состоит, как уже было сказано, в отнесении наблюдаемого явления к определенному классу. В духе аристотелевского эссенциализма можно было бы сказать, что это действие по усмотрению сущностных свойств явления, в отличие от его акцидентальных свойств. Современная наука отказалась от деления свойств на сущностные и акцидентальные. Основу ее таксономии составляют просто такие свойства, которые удобны в теоретическом плане – т.е. такие, которые предположительно могут использоваться для того, чтобы вписать исследуемое явление в имеющуюся научную картину мира и – в плане научной практики – которые можно зафиксировать с помощью человеческих органов чувств и имеющейся аппаратуры или по крайней мере с помощью аппаратуры, принципы работы которой мы можем сформулировать. Сказанное означает, что для того, чтобы быть научно познаваемым, явление должно быть некоторым образом ограниченным и изолируемым (хотя бы мысленно) от других явлений, с которыми оно протекает совместно в естественных условиях. Созерцание действитель-

ности вообще, без выделения конкретного предмета и без попытки рассмотреть его вне посторонних влияний, может служить чему угодно, но только не науке.

Относительность смысла любого социального явления к контексту, в котором оно рассматривается, означает как будто, что изолировать социальное явление невозможно, что оно конституируется всеми внутренними отношениями, присущими коммуникации как целому, и только ими. Что-то подобное, по-видимому, пытается сказать Уинч, когда утверждает, что «социальные отношения подобны логическим отношениям между пропозициями» [1. Р. 57]. Однако он не замечает, что, если буквально следовать этому утверждению, теряется наиболее существенный элемент смысловой структуры социального действия – собственно деятель. Как уже было сказано, краеугольным камнем интерпретационного подхода к социальному является понятие нормы, которое применимо только там, где имеется сознательный, ответственный за свои действия агент, который может эту норму принимать или не принимать. Само по себе понимание социальным актором некоторых условий, приписывание им некоторого смысла не порождает ни его отношения к происходящему, ни его решений о том, как ему следует действовать. Существует огромная разница между отношениями логического следования между пропозициями и отношениями перехода от одной мысли к другой, поскольку никакие логические законы не могут принудить субъекта к тому, чтобы мыслить так, а не иначе. Поэтому, на первый взгляд, концептуальный анализ так же не способен дать адекватное объяснение социальному действию, как и анализ внешних факторов.

Но это лишь на первый взгляд. В реальном историческом процессе системы идей не могут развиваться независимо, они постоянно вступают во взаимодействие с другими системами, и, следовательно, рассмотрение этих систем не может ограничиваться внутренними факторами. Если посмотреть на взаимодействие человеческих сообществ в исторической перспективе, то можно обнаружить в нем те же процессы раздела сфер влияния, конкуренции за ресурсы, взаимного подавления вплоть до достижения равновесного состояния или до уничтожения одной из сторон, которые имеют место в живой природе. Об этом почти тривиальном факте любят забывать антропологи и философы, когда аргументируют в пользу культурного или социального релятивизма. Безусловно, ценности и нормы в значительной степени зависят от внутренних факторов культуры и социума, однако с сугубо внешней точки зрения предельной ценностью для всех культур и сообществ является сохранение этих самых культур и сообществ, иначе они давно сошли бы с исторической сцены. Например, как бы твердо ни верили представители некоторого племени в способность их шамана вызывать дождь, в случае, если все они погибнут в результате засухи, они не смогут дальше защищать эту точку зрения и передать ее потомкам. То же самое происходит на уровне индивидуальных членов сообществ. Хотя в рамках каждого отдельного взаимодействия индивид должен считаться свободным в выборе поведения, признавая свою принадлежность к сообществу, он связывает себя множеством императивов, почти настолько же жестких, как законы природы, и в предельных случаях успех или неудача социального действия способны уравнивать сознательного агента со всеми другими, не наделенными способностью к выбору

поведения объектами. И хотя большинство коммуникативных ответов приобретает положительную или отрицательную оценку только в конкретном социальном контексте, существует грань, при переходе которой оценка становится обусловленной сугубо природными факторами. Так, если улыбку или угрожающий оскал еще можно трактовать вариативно, то когда ваш коммуникативный партнер, как бы культурно далек он ни был, пытается вас ударить, его поведение однозначно свидетельствует о неудаче вашей стратегии общения. Это не означает, что истоки всех социальных норм мы предлагаем искать в биологии, мы лишь утверждаем, что социальные явления, по крайней мере в некоторых случаях, могут быть рассмотрены как порожденные внешними факторами и, следовательно, могут быть мысленно ограничены. Конечно, из данного рассуждения неясно, как именно это следует делать в каждом конкретном случае, но это и не требуется для выполнения нашей минималистской программы.

Далее, объекты являются доступными для изучения методами естественных наук, когда они более или менее стабильны в своих проявлениях, иначе говоря, когда они «ведут себя» схожим образом в сходных обстоятельствах. Подчеркнем – не одинаковым образом в одинаковых обстоятельствах, а именно сходным в схожих. Ни в естественных, ни тем более в социальных науках не встречается случаев чистого нумерического тождества, в лучшем случае это тождество по виду, которое иначе именуется сходством. Слово «сходство» является, с нашей точки зрения, даже более предпочтительным, поскольку разговор о тождестве по виду обычно ведется там, где имеют место так называемые естественные виды. Но что именно называть естественными видами и какие факторы являются релевантными при выделении таких видов – большой вопрос, на который здесь не следует пытаться ответить, тем более что в социологии-то точно никаких естественных видов быть не может. Поэтому мы будем говорить только о сходстве и единообразии.

В самом общем виде можно с большой долей уверенности предположить, что социальные агенты также склонны вести себя сходным образом в сходных обстоятельствах. Собственно, именно это удостоверяют нормы, являющиеся основой социальности. Однако в чем именно проявляется это сходство, не всегда легко установить, не будучи явно информированным о том, какой нормой руководствовался актер, когда решил действовать так, а не иначе. Здесь вступает в игру тезис П. Уинча о том, что единственный способ постороннему человеку узнать, что это за норма, состоит в том, чтобы самому ориентироваться в своих действиях на ту же систему норм, на которую ориентируется актер, быть с ним метафорически «одной крови». Только так, по мнению Уинча, социальное действие можно схватить в его первичном смысле и единственной реальности, иначе говоря, только так можно получить его истинное описание. Во всех остальных случаях мы будем подменять смысл действия, а значит и само действие, фикцией, понятной нам, но несколько не приближающей нас к познанию нашего объекта. При этом, как было уже сказано выше, в случае, если мы действительно понимаем действие исходя из тех норм, в соответствии с которыми оно было совершено, нам как социологам больше нечего делать с ним. Задача «социологической науки» в этом случае оказывается решена еще до того, как она была поставлена. Если

признать эти рассуждения верными, придется заключить, что ситуация является патовой для социолога.

Однако, на наш взгляд, реконструкция социологии как науки, проведенная П. Уинчем и его последователями, ошибочна. В действительности социолог стремится объяснить не само действие, а его описание. Поэтому дихотомия, которая используется в социологии, сводится не к разделению действий на «реальные» и «явленные» [6. С. 77], а к разделению описаний. Это разделение может, по аналогии с научными теориями, опираться на богатство эмпирического содержания, т.е. на количество следствий, потенциально допускающих фальсификацию. Некоторые описания можно считать проверяемыми. Например, в том, что в некоторый исторический период, в определенной местности женщину, пекшую хлеб в Благовещение и спровоцировавшую тем самым засуху, обливали водой для вызова дождя, можно удостовериться эмпирически. В подобных описаниях «субъективный» и «объективный» смыслы действия практически совпадают, т.е. описания действия акторами будут неотличимы от описаний этих действий социологом (который может как пересказывать акторов, так и опираться на письменные или иные источники). Другие, более общие описания, такие как «шаманы африканских племен практикуют вызов дождя путем танца», не могут быть проверены непосредственно. Предварительно потребуется вывести из них следствия, т.е. заменить общие термины на частные¹. И, на наш взгляд, именно описания последнего вида наиболее интересны.

На наш взгляд, правдоподобным является предположение, что некоторые описания социальных действий допускают номологические объяснения, а некоторые нет, и что, более того, последние можно преобразовывать в первые. Такое преобразование демонстрирует А. Данто на примере исторического исследования. Он полагает, что если имеется экспланандум, который не может быть объяснен законоподобно, то всегда можно заменить его на допускающий такое объяснение. Мы воспроизведем его пример, который демонстрирует различные описания одно и того же действия: «Во время последнего fetenationalmonagasque улицы, как и следовало ожидать, были украшены флагами Монако. Но рядом с ними можно было видеть американские флаги. Можно удивиться и спросить, почему это именно американские флаги вывешены вместе с флагами монегасков, а не флаги каких-нибудь других стран, например Англии, Франции или Германии? Здесь чувствуется потребность в объяснении по крайней мере двух вещей: наличие американского флага рядом с национальным флагом и отсутствие флагов других стран. Нам могут дать вполне правдоподобное объяснение: князь Монако женат на американке. При этом мы действуем по сценарию проф. Дрея: мы можем сказать, что не знаем такого закона, который связывал бы событие *K* (женитьба князя Рене III на актрисе Грейс Келли) с событием *E* (вывешивание американских флагов монегасками во время их национального праздника). Действительно, при таком описании нет закона, связывающего эти два события, однако при подходящем новом описании каждого из этих событий достаточно легко представить закон, который и допускает это новое описание, и сам

¹ Исчерпывающий, на наш взгляд, анализ возможности исторического описания произведен А. Данто [10. С. 90–110]. Данный анализ может быть применен к социологическому действию без существенных изменений.

допустим с его точки зрения. Более того, благодаря новому описанию мы можем сформулировать наше объяснение в виде дедукции. Вот три разных описания события *Е*:

а) Монегаски вывесили американские флаги рядом со своими национальными флагами.

б) Монегаски чествовали княгиню американского происхождения.

с) Представители одной нации чествовали княгиню иной национальной принадлежности» [10. С. 210].

Последнее описание непосредственно приводит нас к универсальному закону о том, что княгинь иной национальности обычно дополнительно чествуют. Более того, очевидно, что эмпирическое содержание, т.е. потенциальная возможность фальсификации, возрастает от первого описания, из которого есть только одно эмпирическое следствие, к последнему. Если такое преобразование описаний возможно в социологии, то существенного различия в том, как используются теоретические обобщения, между нею и наукой нет.

Выше мы привели некоторые доводы в пользу того, чтобы считать, что подход к социологии, предлагаемый П. Уинчем, не решает проблемы, поставленной им самим. Теперь обратимся к философским основаниям его позиции. Отрицая естественнонаучную методологию в социологии, Уинч фактически призывает формировать описания социального действия «непосредственно», т.е. не привлекая некоторую теорию. На наш взгляд, идея возможности и необходимости такого описания коренится в Бэкониианском представлении об идолах разума как искажающих познание. Не только для социологов-витгенштейнцев, но и для традиционной философии характерно отождествление объективности знания с отсутствием субъективных искажений. К. Поппер отмечает, что это общее место и в рационализме Р. Декарта, и в эмпиризме Ф. Бэкона: «Учение о проявленности истины вынуждает нас объяснять возможность заблуждения. Само по себе знание, обладание истиной не требует объяснения. Но как можно ошибаться, если истина очевидна? Ответ: благодаря нашему собственному греховному нежеланию увидеть очевидную истину вследствие зараженности нашего мышления предрассудками» [11. С. 12]. Систематическое сомнение и освобождение от идолов суть процедуры отделения науки от субъективного влияния, но «всем нам известно, что истину часто трудно обнаружить, и даже когда она найдена, ее вновь легко потерять» [Там же. С. 13]. Идеи Бэкона не оказали значительного влияния на естественные науки, которые развивались гипотетико-дедуктивным путем. По тем же причинам они неприменимы и к наукам социальным. Критерий, по которому Уинч пытается разделить социальные и естественные науки, на самом деле является их единственной общей чертой.

Литература

1. *Winch P.* The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy. London : Routledge, 1990.
2. *Конт О.* Дух позитивной философии. СПб. : Вестник знания, 1910.
3. *Милль Д.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. М. : Изд-во Г.А. Лемана, 1914.

4. Hutchinson P., Read R., Sharrock W. There is no such thing as a social science: in defence of Peter Winch. Aldershot : Ashgate, 2008.
5. Степанцов П. Нет такой вещи как социальная наука: в защиту Питера Уинча // Социологическое обозрение. 2009. Т. 9, № 3. С. 129–150.
6. Хатчинсон Ф. Два мира действия: социальная наука, социальная теория и системы социологической рефракции // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 2. С. 75–99.
7. Skjervheim H. Objectivism and the Study of Man // Inquiry. 1974. № 17. P. 213–239.
8. Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 3. С. 3–33.
9. Бунге М. Место принципа причинности в современной науке. М. : Эдиториал, 2010.
10. Данто А. Аналитическая философия истории. М. : Идея-пресс, 2002.
11. Понпер К. Предположения и опровержения. М. : АСТ, 2008.

Anna Yu. Moiseeva, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: ajumo@yandex.ru

Stepan Ye. Ovchinnikov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: step.ovch@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 49. pp. 79–91.

DOI: 10.17223/1998863X/49/9

EXPLANATION AND INTERPRETATION IN SOCIOLOGY: AGAINST PETER WINCH'S METHODOLOGICAL CRITICISM

Keywords: Peter Winch; methodology of social science; theory of social action.

The article is devoted to the evaluation of the significance of the ideas of Peter Winch and his followers Phil Hutchinson, Rupert Read and Wes Sharrock for the methodology of sociological research. The essence of Winch's argument formulated in *The Idea of Social Science and Its Relation to Philosophy* is that, within sociology, what is explored consists in rules shared by a particular community rather than in empirical regularities, so the method should be considered as a conceptual analysis. The most radical interpretation of this argument by Hutchinson, Read and Sharrock implies that sociology cannot produce new knowledge at all and should be reduced only to clarifying what is already known to social actors. As it turned out in the course of research on the development of the ideas of Hans Skjervheim and Harold Garfinkel that are similar to Winch's ones, accepting Winch's methodological criticism of "objectifying" sociology does not cancel the fact that interpretive sociology supported by Winch cannot solve the problem he posed. Moreover, as it is shown below, similar problems exist in the natural sciences; therefore, something else is required to prove the impossibility of applying the scientific method in sociology. If one looks at the situation more broadly, it is unclear why the assumption of the usefulness of the scientific method in sociology is more dubious and needs more argumentation than the assumption of its uselessness. In addition, when Winch and his followers discuss sociology as a science they make an error that consists in the fact that the subject for a sociologist's explanation is not action itself but its descriptions, and, therefore, descriptions that do not allow a nomological explanation can be replaced with the ones that allow it. The article presents examples of such a replacement taken from the works of Arthur Danto on the methodology of history that can be easily translated into a sociological context. Thus, it has been demonstrated that an adequate scientific method for a sociological research is generally possible even if it is not possible to justify the adequacy of any of the existing specific methods.

References

1. Winch, P. (1990) *The Idea of a Social science and its relation to philosophy*. London: Routledge.
2. Comte, A. (1910) *Dukh pozitivnoy filosofii* [The Course of Positive Philosophy]. Translated from French. St. Petersburg: Vestnik znaniya.
3. Mill, D.S. (1914) *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoy* [A System of Logic, Ratiocinative and Inductive]. Translated from English by V.N. Ivanovsky. Moscow: G.A. Leman.
4. Hutchinson, P., Read, R. & Sharrock, W. (2008) *There is no such thing as a social science: in defence of Peter Winch*. Aldershot: Ashgate.

5. Stepantsov, P. (2009) Net takoy veshchi kak sotsial'naya nauka: v zashchitu Pitera Uincha [There is no such thing as a social science: in defence of Peter Winch]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 3. pp. 129–150.
6. Hatchinson, F. (2012) Two worlds of action: social science, social theory and systems of sociological refraction. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 2. pp. 75–99. (In Russian).
7. Skjervheim, H. (1974) Objectivism and the Study of Man. *Inquiry*. 17. DOI: 10.1080/00201747408601719
8. Habermas, J. (2008) Problematika ponimaniya smysla v sotsial'nykh naukakh [The problem of understanding of meaning in social sciences]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 7. pp. 3–33.
9. Bunge, M. (2010) *Mesto printsipa prichinnosti v sovremennoy nauke* [The Causality: The Place of the Casual Principle in Modern Science]. Translated from English by S.F. Shushurin, I.S. Shern-Borisova. Moscow: Editorial.
10. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. Translated from English by A.L. Nikiforov, O.V. Gavrishina. Moscow: Idea-press.
11. Popper, K. (2008) *Predpolozheniya i oproverzheniya* [Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge]. Translated from English. Moscow: AST.